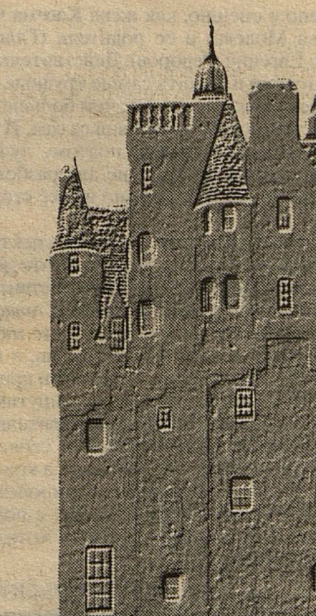

Странным замыслам попадаешь в заложники. Почему уже несколько лет я занят продолжением "Золушки" Шарля Перро? Не серьезно же объяснить так: это, мол, заказ двенадцатилетней Аннушки, дочки моего приятеля. Традиционный финал устраивал ее до 4-го класса, а с 5-го устраивать перестал!

Вот уже 350 лет для всего христианского мира свадьба с принцем – торжество справедливости и единственно возможный конец, но в одном пятом классе находится один человек с насмешливым инакомыслием по этому вопросу: "Большая такая конфета в конце. Слишком большая и чересчур сладкая!".

Мне, как и вам, в голову не придет упрекать Шарля Перро, братьев Гримм, Евгения Шварца. Но почему бы, стал думать я, не проверить прочность того счастья, каким наградили они Золушку? Короче, та пятиклассница убедила меня, почти заставила такую проверку предпринять.

Георгий ПОЛОНСКИЙ

Медовый месяц Золушки

Сказочная повесть

Месяц минус ночь

Обидно и жалко, но ту ночь надо вычеркнуть из медового месяца: принц Лариэль даже не приблизился к спальне.

В начале 12-го часа он послал к молодой жене камеристку Терезу с прохладным сообщением: ждать его не следует, он будет всю ночь работать, ибо неотложных государственных дел – по горло.

Решалась судьба Пухоперонии, – какие тут могут быть супружеские обиды? Она и не позволила себе этого, только носик ее порозовел на минуту-другую, но слез пролито не было. Она стала советоваться с Терезой: может, и ей не ложиться нынче, чтобы варить мужу кофе? Тереза удивлена была: помилуйте, да разве это Вашего Высочества забота? Разве некому приготовить чашку кофе для принца, ставшего у нас Первым Лицом? Спрошено это было с преувеличенным изумлением, и в тоне камеристки была еле заметная насмешка.

После этого разговора Тереза была отпущена, они пожелали спокойной ночи друг другу. Если б на этом месте была Люси-Не-Поддамся-Не-Проси, Золушка наверняка проговорила бы полночи с ней; а вот с Терезой такой дружбы не получалось.

Один раз она спросила мужа: а нельзя ли перевести Люси на должность ее камеристки? Чтобы не кто попало был неотлучно рядом, а симпатичный тебе человек, с которым тянет поговорить по душам. Просьбой принц был озадачен. Этот пустяк вызвал складки у него на переносице, те складки, которые она с почтением и сочувствием называла "государственными".

Странно: одно дело – державные заботы, лавина которых стала рушиться на принца Лариэля с первых же брачных дней; это могло бороздить лоб Лариэля, не могло не бороздить! Но что ему за важность, кто станет прислуживать его жене? Да ей вообще непривычны и даже смешны услуги от посторонних. С Люси хотелось *разговаривать*, вот и все!

Однако Лариэль обещал ей распорядиться насчет Люси, обещал – и забыл, видимо. Ничего не изменилось. Такой души, чтобы постоянно и доверчиво можно было общаться с ней, не появилось.

Как? – воскликнет кто-нибудь, дочитав до этого места. – А сам Лариэль? Какие-такие подружки нужны двоим, влюбленным столь пылко, как принц и Золушка?!

Вроде бы так. Но у нее, знаете ли, много появилось забот с больным капризным свекром – с того дня, когда Алкид Второй Уступчивый сломал ногу на гладком паркете. До чрезвычайности хрупкими оказались и его старые кости и характер его! А у Лариэля были высшие и сверхтрудные заботы теперь: он страну спасал! Вдруг выяснилось, что просто некому передоверить те спасательные работы. Молодожены намного реже видятся в последние дни. И в последние ночи, как видим. Если рассказывать все без малейшей утайки, надо признать: ничего особенно нового Тереза не доложила принцессе в двенадцатом часу.

Да, вот что! Пусть не покажется вам, будто рассказчик напрочь забыл про того мальчишку, которого госпожа Фея отправила в служебную командировку в Пухоперонию. До страны добраться ему ничего не стоило, но вот во дворцовый сад просочиться, оказаться в самом дворце, на половине принцессы... Тут были проблемы у него: гвардейцы, составляющие личную ее охрану, ели свой хлеб не зря! И они все прибывали: несколько взводов пытались управиться с одним Жан-Полем и его чародейской палочкой. О, сцена задержания по своей "крутизне" достойна была кинематографа, о котором в Пухоперонии никто, решительно никто еще не слыхал.

Нам еще предстоит полюбоваться, сколько и каких там наломано дров. А пока – останемся с главными героями. Они на расстоянии каких-то пустяковых десятков метров друг от друга. Если бегом, это меньше минуты! Но они – врозь.

Золушка пробовала заснуть, ей удалось это очень не скоро. А у нас тем временем есть возможность понаблюдать за принцем в его кабинете. И вообразить на его месте самих себя! Последнее, положа руку на сердце, интересует автора больше всего: вот, допустим, на месте принца Лариэля – он сам, лично. Или друзья его: каждого из близких друзей почему-то охота вообразить на этом месте! Или вас, любезный читатель. Впрочем, это жестокое желание: никто из нас, по-моему, не захотел бы оказаться пухоперонским принцем в те ночи и дни.

Над принцем висели охотничьи трофеи, очень давние – головы оленя и медведя, с глазами, остекленевшими, конечно, раз и навсегда, но удачно сделанными: взгляд животных не казался мертвым, в нем жила печаль.

На ковре под мишкиной головой красовалось старинное оружие, а под оленьей – висела круглая мишень для стрельбы из лука, и сам лук висел тут же. Если раскрутить мишень за рукоятку, она могла вращаться, и с изрядной скоростью, и тогда угодить с 30-ти шагов стрелой в центр было уже искусством.

Над высокой спинкой кресла на золотистом гобелене выткан был герб королевства, его символ – гусь.

Что еще? Три диаграммы бросались в глаза. Первая имела заголовок – "**налоги**", вторая – "**нищенство и разбои на дорогах**", а третья – "**поголовье гусей**". Их недавно повесили. Висевшие прежде – принц порвал в клочья и буквально орал на двух министров, что ему не красивые диаграммы нужны, а честные, абсолютно честные... Вот ему и повесили желаемое: на первых двух картинках кривая стремилась вверх с наглядной крутизной, а на третьей она удрученно сползала книзу. В последнее время Пухоперония теряла и этот единственный козырь: резать и есть свою "фирменную" птицу жители наловчились лучше, чем приумножать ее. Мешало что-то приумножению. Что? Лариэлю полагалось знать это, а он – понятия не имел.

При двух больших канделябрах поблескивали тусклым золотом корешки книг. Их старинная мудрость была к сегодняшним неприятностям безучастна. Увы! Наверное, поэтому принц свирепо "психанул" час назад: не щадя дорогих переплетов, сминая страницы, он расшвырял на столах и на полу десятка полтора томов – они выглядели, как советники, которые болтали под руку всякий вздор, не идущий к делу, и были наказаны за это.

Сейчас Лариэль ходил по просторному этому кабинету из угла в угол. Если б нам удалось подслушать мысли его, – мы узнали бы, что все они – про сделку, про куплю-продажу. Ему навязывали ее! Сам он относится к этой сделке с тоскливым ужасом. Хотя выгоды от нее – признает! Их нельзя не признать! Подразумевался под этой деловой операцией – разумный пухоперонский ответ на сватовство со стороны Фармазонии. Сватовство было упорное. И, главное, слепоглухое к тому факту, что он – женат!

"Нельзя меня купить, я не жеребец, черт возьми! Дело вовсе не в богатстве этой Юлианы – нет, нет и нет! Наоборот: чем богаче приданое обещают за ней, тем тошнее." – примерно так говорил внутренний голос. Но не один он был, голос этот, в том-то и заусеница! Первому возражал второй:

"Есть вещи куда интереснее богатства. Государственный опыт ее отца, например, которым он мог бы поделиться. Это король – профессионал высокого класса. Рядом с ним мой бедный папа – королек-любитель – разница! Если верить нашему послу, при дворе Балтасара – просвещенные люди. Да что там говорить, они вообще в порядке, в большом порядке: у них и фото, и телеграф, и вместо воняющих свечей – лампочки, целые гроздья лампочек, и эти безлошадные кареты с каким-то внутренним сгоранием. Неизвестно даже, что именно в них сгорает – не овес и не сено, во всяком случае! А чем можем похвастаться мы? У нас – четырнадцать способов приготовления гуся! Анна-Вероника моя – чистый ангел по части терпения и заботы, она добрый гений домашнего очага. Но сейчас не эти, совсем не эти таланты требуются! Проклятье, проклятье, сто миллионов проклятий!"

Два его внутренних голоса то выкрикивали, то шептали эти последние слова и еще другие, гораздо худшие; они как бы схватывались, сплетались, норовя придушить друг друга!

Опечатки неопытной принцессы

Вдруг какие-то шорохи за дверьми заставили Лариэля застыть, а потом распахнуть обе створки энергичным рывком.

На пороге стоял карлик – барон Прогнусси. Своим шелестящим баритоном он заговорил: "Ваше Высочество, я осмелился, в такой час." – а между тем смущения никто не приметил бы в его глазах, даже если б не мешали очки с зеленоватыми стеклами.

– А я чуть было не возвел напраслину на свою жену! – сказал Лариэль покаянно. – Решил, что это она подслушивает. Вообще-то это было бы удачно, не правда ли, барон? Ловко было бы, своевременно. Если б за руку удалось поймать: ага-а, шпионишь за августейшим мужем?! Хоть какая-то зацепочка. А то ведь не в чем упрекнуть это святое создание, на самом деле святое. Ну не за что обидеть ее, хоть тресни! А обидеть надо, не так ли? Отчего у вас такое лицо, барон, словно вы не вполне меня понимаете? Вы же у нас на редкость понятливы.

Прогнусси сказал, что просто не был готов к такому бурному приему. Принц отвечал, что барон заслуживает еще и не такого! И вернул его – похоже, насильно – к прерванной теме:

– Так надо обидеть, барон? Придется? Беззащитную доверчивость раздавить каблуком? В клочки разнести ее счастье? – про свое-то я уж и не говорю. Вы не прячьте, не прячьте глаза! Не слышу ответа!

Кто-кто, а укороченный матушкой-природой шеф тайной полиции не был мямлей в политике. Но сейчас он именно мямлил, иначе не скажешь:

– Это не по чьей-либо злой воле, мой принц. Обстоятельства.

Принц перебил его, чтобы вцепиться в это последнее слово яростно и даже с каким-то сладострастием:

– Вот-вот, "обстоятельства"! Именно они. Слово отменное, все объясняет, решительно все, – и Лариэль ехидно изобразил такую беседу двоих. Икса с Игреком:

"Помилуйте, сударь, вы же сделали подлость!" – "Что вы, сударь, разве я способен? Это не я, это обстоятельства так неудачно сложились." – "Ей-Богу? А-а, ну тогда – пардон. Если не по своей охоте свинячить, а в силу обстоятельств – свинство, конечно, отмывается добела! Тогда тысяча извинений и позвольте выпить за ваше драгоценное здоровье!" – Так, барон?

Карлик молчал. Сколько бы принц ни сверлил его угольным взором, – отвечать на это было нечего. Барон Прогнусси сроду не имел высоких баллов по этике, он, знаете ли, практик, а не трепач и не самоед.

– Так какую же мерзость мы с вами сварганим за эту ночь? Думайте же, сочиняйте, отрабатывайте ваше жалованье и ваш творожок. Чтоб вас всех вспучило от него!

Прямо так и выразилось Первое на сегодняшний день лицо королевства. Однако *Сточетыресантиметрастраха* не покраснел и не побледнел. Принцу нужно разрядиться? Именно в него, в Прогнусси? Пожалуйста, не жалко, он – воспитанник невзлюбившей его мачехи-природы и секретной службы, не рассчитанной на белые перчатки, они обе вымуштровали его, он не раскиснет.

Вслух же барон сказал, что совсем по другому вопросу потревожил принца в такой час. И что за дверью остался еще господин Бум-Бумажо, не рискнувший войти.

Лариэль отмахнулся: по министру свежих известий он ничуть не соскучился. К черту! И другие вопросы – к черту, пока так бездарно и так бессовестно решается *этот* вопрос!

– Смотрите, вот я перечитываю "шпаргалку", что вы мне подсунули. Тут же все смехотворно мелочно, притянуто за уши. Ну вот, пункт второй: *"Пила чай с прислугой такого-то числа"*.

Пункт четвертый: *"Грызла семечки"*. И все в таком роде. Вот под этим предлогом вы и разведете нас?!

Длинное костистое лицо коротышки изобразило улыбку ("любая лошадь улыбается обаятельней", – подумал Лариэль).

– Это, конечно, мелочи, вы правы. Я бы сказал, *опечатки* в поведении принцессы, допущенные по неопытности. Только и всего. Но почему вас заботят формальности, мой принц? Предлогом ведь может быть что угодно. Например: что ее семья представила фальшивый пергамент о своем графском достоинстве! Когда это обнаружилось, вас это возмутило, допустим.

– Как?! Это же мы, наоборот, им представили! Я. И вы считаете меня способным на такие фокусы?

– Виноват. Я так рассуждал: ежели бедняжке суждено потерять вас, – потерю графского титула она куда легче перенесет. Но оставим это. Развода не будет вовсе, в нем нет нужды.

Принц не понял: как так? венчанье-то было? И свадьба была. И карлик там был. И еще многие десятки людей. В ответ глаза Прогнусси сделались ледяными, а улыбка на лошадином лице осталась, будто приклеенная; он спросил:

– Кто это засвидетельствует, мой принц? Кто захочет и кто решится вспоминать? Вы знаете таких? Я – нет.

Принц подумал: странно, что меня до сих пор не вырвало от всего этого. Он не заметил, что, не дождавшись приглашения, барон позволил себе сесть – раньше, чем сам Лариэль устало опустился в кресло. Карлик только сидя чувствовал себя ровней другим людям.

– Простите, мой принц, вам покажется, что я отвлекаюсь, но это не так. Знакомо ли вам имя такое или прозвище – Золушка?

– Откуда вы его выкопали?

– Из допроса одного юного злоумышленника, схваченного нами час назад, – отвечал коротышка.

– Да? И кто же он такой?

Сон кошмарней действительности?

Барон рассказал: схвачен мальчик, ему лет 13–14, не больше. Ребенок, словом. Шалун. Но брать его пришлось силами не двух, не четырех, даже не десяти солдат. Стыдно выговорить: насилу оказалось достаточно для этой мелкой полицейской акции принц не поверит, пожалуй! – целого эскадрона! Да и то случайность помогла: обманом удалось выбить у малолетнего негодяя из рук инструмент его дьявольских проделок! А до этой минуты неведомая сила отбрасывала солдат от озорника!

Укороченный барон раскрыл футляр, какой бывает у флейтистов. И достал палочку с перламутровой рукояткой.

– С виду, знаете, ничего особенного, ну факир из рыночного балагана, ну гипнотизер – решили мы все. Но его техника! Это надо видеть, мой принц.

И тут голос самой Золушки заставил вздрогнуть обоих – плачущий, срывающийся от страха и горя, он приближался быстро, поскольку она бежала: "Лариэль! Лариэль! Я боюсь, Лариэль! Где ты?!"

Золушка вбежала в ночной рубашке, прижалась к нему. Она умоляла сделать что-нибудь, поскольку она не может, не в силах проснуться. Вот знает уже, что не спит, что на ногах, а сон ее – жуткий, беспощадный – не обрывается никак, продолжает сниться! Ужасно сбивчиво она объясняла это, как заболевшая семилетняя девочка. Никаких карликов при этом не замечала.

Лариэль стал убеждать ее: наяву все нормально, спокойно все, это его кабинет, а это он сам, а на столе – его работа, которая, увы, разлучает их. Тут неловкость была: огромный письменный стол был чист и пуст, а принцу казалось важным, чтобы она видела его погруженным в деловые бумаги – и он предъявил какие-то, как пассажир предъявляет билет, как школьник – дневник. И – чуть было не сунул ей окаянную баронову шпаргалку с перечнем ее ошибок, промахов, "опечаток". Поспешил скомкать эту бумагу, швырнуть под стол.

– Ну что ты, глупенькая? – уговаривал он нежно. – Что еще за сон такой? Пострашнее действительности? Полно, не верится. Не дрожи, теперь-то чего дрожать? Ты со мной, и я с тобой.

Коротышке-барону он подал знак удалиться – и тот, деликатно улыбаясь, повиновался. Однако потом принц ловил себя на противном ощущении – что злодей-малютка ушел только с глаз долой, а в кабинете как-то сумел остаться. Запах ли это был, барону присущий, или что-то еще, – но не весь он, похоже, ушел. На дрожащую жену Лариэль накинул свою теплую охотничью куртку, и мало-помалу этот ее "колотун" утих. Теперь можно было полюбопытствовать, что же такое показывали в этом ее кошмарном сне.

Золушка стала припоминать:

– Сначала была толпа, горожане на площади. Потом – все больше девушки, кругом девушки, 18 900 или сколько их было там? Они узнали меня – и мне бы живой не выбраться, но тут ударили погребальные колокола (типун мне на язык). Толпа напирает, мне не хватает сил протолкаться. И видно твое лицо – ты на возвышении на каком-то. Лицо у тебя жутко красивое было! Но бледное и, знаешь, совсем чужое. Ты вообще весь был как статуя! И чем ближе я к тебе, тем труднее: не пускают передние! И вдруг один в полумаске тихонько так говорит: "Ну вот, детка, ты и поиграла в принцессу"

Глазами негодяев

Она замолчала, и довольно надолго. Принц напрасно ее торопил, просил вспомнить дальше. Куталась Золушка в куртку и даже как будто нюхала ее меховой воротник. Потом сказала, что сон этот продолжался еще и наяву. Тут она подала мужу лист сиреневой бумаги, – он лежал, по ее словам, на ковре у их кровати, именно с ее стороны. Лариэль опасливо взял эту страничку. Неизвестные обращались к его жене, выводя все буквы как заглавные и печатные. Времени им было не жаль, они добивались, чтобы почерка не было никакого. Лариэль начал было читать вслух, но потом стало мерзко, и остаток текста он пробежал глазами:

"Вот, детка, ты и поиграла в принцессу. Может, и не наигралась еще, а пора кончать. Какая из тебя принцесса, сама посуди? Лакеи – и те улыбаются, на тебя глядя, а на государственных людей ты действуешь, как лимон без сахара. Принц и сам это понимает уже, только сознаться не может: наследственная мягкотелость мешает да благородство, вычитанное из книжек. Помоги, детка, верни ему венчальное колечко вместе с его клятвами верности. На любовь не надейся, не стегай мертвую лошадь. Девочка ты сообразительная, не станешь дожидаться яда или кинжала или серной кислоты – не надо этого, фу! Сделай, милая, так, чтобы не пришлось оплакивать нежную цветущую молодость. ТВОИ ДОБРОЖЕЛАТЕЛИ".

Вот тут принц Лариэль рассвирепел! Особенно взбесили его некоторые выражения – например, *"благородство, вычитанное из книжек"* и про *"мертвую лошадь"*, под которой подразумевалась его любовь. Негодяям казалось, что в его душе они – как у себя дома!

В общем, если пять минут тому назад трясло принцессу, то теперь знобило его. Он спросил, кривя рот: ну, теперь ты видишь, в каком змеюшнике ты оказалась? И получил ответ: для нее главное, что она оказалась с ним! Теперь дело оборачивалось так, будто Золушка утешает его! Их любовь – никакая не *мертвая лошадь*, она живее всех этих "доброжелателей", ей вполне по силам унести двух любящих туда, где злодеи нипочем их не достанут!

Лариэлю не передавалась почему-то такая ее жизнерадостная вера. Уходить, уезжать отсюда? Куда? В один из воздушных замков? В райский шалаш на двоих? Со слов отца Лариэль знал, что у Золушки прямо-таки талант – прелестно рассказывать сказки. Так чем отвечать на письмецо, которое держал он в руках? Сказочкой о бессмертной любви? Возвышенным стихотворением?

– Скажи: ведь они все врут про тебя? Или кое в чем нет? – услышал Лариэль ее вопрос, заданный очень осторожно. И отвечал, усевшись на подлокотник кресла, как в седло:

– Про меня – безбожно врут, да. А про тебя? Вот представь: не пишут тебе все это, а в глаза говорят. Как бы ты им ответила?

– Никак. Зачем я стану им отвечать? Или я должна нравиться негодяям?

Нельзя было не отметить: гордо сказано, просто по-королевски. А все-таки, считал принц, стоит полюбопытствовать: что имеют в виду канальи-"доброжелатели"? Как она выглядит, если смотреть их глазами? – И Лариэль нагнулся за "шпаргалкой" барона-карлика, валявшейся под столом, достал ее и разгладил.

– Гляди-ка, третьего дня тебя видели на птичьем дворе: ни свет, ни заря тебе понадобилось собирать яйца из-под наседок! Зачем это? Может, птичниц наших уволить – принцесса сама с их работой справиться?

Теперь дальше. Ты знаешь, я стою за хорошее, приветливое обращение с прислугой, люблю пошутить с ней и прочее. Но если не пересаливать! Говорят, ты просто-напросто подружилась со служанкой по имени Люси! Извини, но это странно и раздражает придворных.

И еще. Тетка Гортензия заглянула на урок, который тебе давали, и в ужасе увидела, что ты и твой учитель грызете семечки! Что это за урок был? Игры на арфе?

– Нет. Придворного этикета урок, – сказала Золушка, страдая от своих ошибок, но все еще не считая их такими уж грубыми. – А в чем дело? Тыквенные семечки, каленые. Учитель щелкал и нахваливал!

Принц вздохнул и продолжал: ее самоотверженный уход за папой, разумеется, ничего, кроме благодарности, вызвать не может. Но палку перегнуть и в милосердии можно. Кое-кто говорит, что она уже чуть ли не клистиры ему ставит!

– Пока нет, нужды не было, – спокойно отвечала Золушка (только потухшим каким-то голосом). – А если понадобится – почему бы и не сделать, ничего тут смешного нет: старички, когда болеют, – те же дети беспомощные.

Лариэль молча походил по кабинету и подвел итог: в чем правы те, чьими глазами он сейчас попробовал увидеть ее? На ее лбу прямо-таки проступает клеймо такое: Зо-луш-ка! Та самая Золушка, которую решено было забыть!

Странное дело: она не потупилась, не отвела глаза. Она сказала:

– Кем решено? Нет, я всегда помню, кто я. По-моему, это ты сейчас забываешь, что ты принц: настоящие принцы – я просто уверена! – никогда не смотрят на вещи глазами негодяев. Им противно это делать и незачем!

Произнося это, она почему-то обнаружила вдруг, что ей мало воздуха. Нет, кабинет был большой, и одно окно – нараспашку. В чем же дело? Скучный какой-то был воздух. Серый.

– Ах, вот как ты заговорила со мной, – пробормотал принц, пораженный ее дерзостью. – Ишь ты! "Настоящие принцы никогда не смотрят" А скольких ты видела принцев-то? Всякий принц – он политик, как это ни грустно. Он не может глядеть на мир глазами девочек из лесничества! Хочет, допустим, – а права такого нет! Вот сейчас ночь, да? И мы вдвоем, думаешь? Как бы не так! Я и сейчас не имею права на личную жизнь – меня там министр ждет!

Юный шутник и его приятельница

Тут чей-то голос поправку внес: "Два!" Оказывается, не один министр, а два ожидали – и оба возникли так, словно торчали за шторой или за диваном, в скрюченном виде. У второго из них, у Бум-Бумажо был совершенно несчастный вид. Его правая рука висела, как перебитая, обвязанная широким алым платком в горошек.

– Они что же, подслушивали? – спросила Золушка, но министры объяснили, что у них на такие случаи имеются специальные капсулы для ушей, только что вынутые, буквально секунду назад.

– А эту бумагу случайно не вы писали? – спросила она про послание, подброшенное в спальню. – Если да – говорите смело, принц во многом согласен с ней, вам ничего не будет.

Барон взял сиреневую бумагу, просмотрел и отказался: нет, это решительно не его стиль. Но он мог бы дознаться, если Ее Высочеству угодно, кем это писалось, кем подбрасывалось.

Принцесса сказала, что никаких дознаний ей неугодно. И что с этого часа она просит не звать ее ни "Высочеством", ни Анной-Вероникой, – ее нормальное имя – Золушка. На лошадином лице Прогнусси отразилось довольство этим заявлением: он что-то пометил в крохотном своем блокноте.

А Бум-Бумажо, весь взмокший и жалкий, объявил: он, написавший сотни статей – причем в самых разнообразных стилях! – он больше не в силах написать ни строчки, так что он – вне подозрений! У него не было терпения ждать их расспросов о причине такой внезапной профессиональной инвалидности, он сам предъявил эту причину: вытащил из перевязи руку. Руку, которая оказалась нечеловеческой! То была *гусиная лапа*, самая натуральная. Красная перепончатая гусиная лапа!

Оба Их Высочества ахнули – если не вслух, то про себя уж точно.

– И это только начало злодейства, которое чуть было не произошло, – меня всего хотели превратить в гуся! – со своей мукой и жалобой Бум-Бумажо взывал почему-то именно к принцессе.

Тут-то барон и вставил эффектно: этот ужас сотворил юнец-чужестранец, тот, о котором был его прерванный рассказ – мальчишка, задержанный с великим трудом. И заявляющий теперь одно: что он шел сюда – к Золушке и говорить желает только с ней!

– Что-то я смутно сейчас все понимаю, – призналась она. – Кто ко мне шел?

– Этот изувер! Этот посланец самого дьявола! – выкрикнул Бум-Бумажо со слезами.

Принц решил, что в такой ситуации ему не годится быть только защитником своей благоверной, ему надо быть Главой государства, Первым лицом его, а значит – объективным судьей. И он обратился к супруге так:

– Объясните нам, милая Анна-Вероника или Золушка – это как вам больше теперь нравится. Объясните, откуда у вас такие интересные приятели. Видите, господа: я околдован был не просто девочкой из лесничества. Я был околдован *тайной*!! Но это так, к слову.

Дорогая, сосредоточьтесь, пожалуйста, у вас отсутствующие глаза, а человек, между прочим, чуть не стал гусем! Но, господа, – по порядку! Он что – ни с того ни с сего взмахнул этой своей чудо-палочкой перед носом господина Бум-Бумажо?

Золушка не сводила глаз – сияющих глаз, нужно добавить, – с предмета, который сейчас был у Лариэля в руках.

– Я знаю эту вещь! И знаю, чья она! Да, он мой друг, этот мальчик, Жан-Поль. А его госпожа – она тоже тут? Госпожа Фея?

– Фея? – живо переспросил принц. – Так он был не один?

– Один, совершенно один, – отвечал барон Прогнусси, –. Но как удачно, что принцесса знакома и с его начальством.

– Итак? – Лариэль всем корпусом повернулся к ней.

Вооружена и опасна!

– Лариэль, да скажите вы им, чтоб они оставили эти слова – "принцесса", "Высочество", – потребовала Золушка. – Объясните, что я грызу семечки, дружу с Люси, ставлю клистиры, не разбираюсь в политике... Или нет, вы проще скажите: что я – ухожу.

Принц не понял и отказывался понять, почему такая спешка, на что обида. Кто ее гнал, собственно говоря? Только те "доброжелатели", струсившие поставить свою подпись? Вот под этой сиреневой мерзостью? Но это глупо – бояться тех, кто сам по-заячьи трусит. Уж не путает ли она, не смешивает ли его с ними?

Она молчала. Она бы сразу направилась к двери, но нужно было узнать сперва про Жан-Поля... И смущала ночная сорочка – единственное, что оставалось на ней, если скинуть сейчас охотничью куртку Лариэля.

Тем временем к ней взывал Бум-Бумажо, чуть ли не припадая к ее ночным туфлям. Умолял: ее дружок должен понять, что это жестоко – оставлять министра с гусиной лапой. Что без человеческих пальцев ему не жить, не взять пера. Он называл Золушку "очаровательной", "божественной", он извинялся за резкие слова в адрес шалунишки-волшебника, теперь-то он понял: это всего лишь озорство. Только, право же, недоброе.

Барон Прогнусси не соглашался считать это озорством. Он требовал! Юный шутник обязан вернуть двум гвардейцам их ружья, превращенные в две ветки жасмина! Боевое оружие – не чета таким пустякам, как жасмин, это оскорбление армии, урон казне и вообще произвол, безобразие! И еще: когда в его потасовку с гвардейцами вмешались господа Коверни и Посуле, – мальчишка, по словам барона, склеил их! Спинами. Как сиамских близнецов! Два члена Совета Короны и в общем приличных человека оказались в смешном, унизительном, невозможном положении! Юный гость принцессы обязан немедленно прекратить этот фарс.

Принц согласился: да, это уже черт знает что. И спросил Золушку: почему ее приятель ведет себя здесь по-неприятельски?

Она сказала:

– Не знаю, я могу только гадать. Если я правильно догадалась. – он защищает меня! Затем и пришел, наверное. А где он меня ждет?

Барон отвечал: такой озорник не может, само собой понятно, ждать ее у фонтана или у театра или, например, в кондитерской. Его место, как легко догадаться, не столь удобно и приятно, но он же сам как бы напрашивался.

Язык *Стачетырехсантиметровстраха* еще произносил что-то, а в глазах его заерзал, запрыгал, заметался – натурально, *страх*! Но и в глазах Лариэля тоже... И во взгляде Бум-Бумажо.

Все они как-то сморщились – не только лицами, но, казалось, еще и телами. Дело в том, что принцесса была сейчас такой, какой не видели ее никогда: она выпрямилась, во взгляде и на щеках ее горел гнев и в руках ее была та самая палочка, запросто отобранная у принца минуту назад, а сейчас – засветившаяся вдруг, словно была прозрачной, а внутри ее пустили грозный электрический ток! Золушка скомандовала:

– А ну, отпустите мальчишку! Сию же минуту! Не то я сама превращу вас в гусей. Всех!

Трое мужчин оцепенели перед ней.

Самое печальное – что принц окончательно терял лицо в эти минуты. Заговорил жалкой скороговоркой, какой ни разу от него не слышали прежде. Не сводя глаз с палочки, напоминал о любви. Удивлялся: куда ж она вся испарилась, любовь-то? У него-то – нет, по-прежнему на своем месте, отчего ж у нее-то прошла?

Ну хорошо, он на любви уж и не настаивает, но тогда пусть вспомнит о милосердии хотя бы! Принц, обращенный в гуся?! Но за что?! Несправедливо же – объединять его с врагами ее, с гонителями! Они из разного теста.

Она сняла с себя Лариэлеву куртку. Аккуратно повесила на спинку стула. Ночная сорочка больше не причиняла неловкости. Возможно, потому, что эти трое – они уже не казались мужчинами, в достаточной мере. Ее спрашивали, куда же она теперь – она отвечала: на воздух. Она отмахнулась от предложения барона вызвать сюда начальника тюрьмы, чтобы отдать ему новые распоряжения насчет юного арестанта. "Не стоит, мы уж без вас, сами." Она пошла и по коридору вслед ей летели обещания Бум-Бумажо прославить ее в стихах, если она освободит его от гусиной лапы.

На воздух? Ей давно требовался приток воздуха... Значит, превращение в птицу – безжалостный фокус, немилосердный, да? А муж, родной человек, обернувшийся вдруг чужим, фальшивым, унизительно слабым – это как?

Почему-то вспомнилась великолепная красавица-лошадь по имени Карма и то, как принц ставил ее на дыбы, как брал на ней высокие препятствия. Золушка любила угощать Карму сахаром. Ох, не стоило Лариэлю седлать ее в ближайшие дни – Карма сбросит его! Подобно тому, как будущее видят иногда цыганки, профессиональные предсказательницы, Золушка просто увидела вдруг, как беспомощно летит он из седла в раскисшую глину! Может, предупредить его? Нет, пусть, пусть лошадка его проучит.